

18+ Светлана Фетисова

Барышка

Светлана Фетисова

Варька

«Издательские решения»

Фетисова С.

Варька / С. Фетисова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839634-2

Жизнь подростка полна сюрпризов и неожиданностей: направо свернёшь — друзей найдёшь, налево пойдёшь — в беду попадёшь. А выбор ох как непрост. Это одновременно выбор между добром и злом, между рабством и свободой, между дружбой и одиночеством. Как не сдать на милость противника? Как устоять в жесткой борьбе и сохранить свою индивидуальность, когда ты задумчивая девочка, витающая в облаках? Непонимание и травля обостряют чувство справедливости, и вот уже хочется бороться со всем злом на свете...

ISBN 978-5-44-839634-2

© Фетисова С.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	10
3	13
4	17
5	19
6	22
7	25
8	27
9	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Варька

Светлана Фетисова

Дизайнер обложки Вера Алексеевна Стародубцева

Иллюстратор Вера Алексеевна Стародубцева

© Светлана Фетисова, 2024

© Вера Алексеевна Стародубцева, дизайн обложки, 2024

© Вера Алексеевна Стародубцева, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-4483-9634-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Солнце скользило вдоль частокола подрагивающих ресниц, так здорово было играть с ним в прятки, будто бежишь вдоль дырявого забора, которому нет ни конца и ни края. Чуть прикрыл глаза – и ты спрятался. Через мгновенье прищурился – как там вездесущее светило? Ага, бдит. Хорошо.

На моргающую Варьку в автобусе никто не обращал внимания, это было обычное дело, худенькая девочка с копной непослушных волос едет домой из школы, она ещё не привлекала к себе внимания окружающего мира, что, безусловно, её расстраивало, когда она это замечала, но сейчас у неё было так много забот, что безразличие пассажиров автобуса ей было только на руку. Кроме игры в прятки с солнцем, в данный момент её голова была занята решением важной проблемы – как прикрепить оторванную подошву правого ботинка, чтобы доковылять до дома.

Да, конечно, она знала, что эта обувь не предназначена для игры в футбол, но этот удар того стоил. Когда мяч подкатился ей под ноги, Варька не раздумывала ни секунды. Как она могла не принять этот пас? Тем более на поле гоняли мяч мальчишки из параллельного б «А», перед ними она не могла упасть носом в грязь, ведь на неё смотрел Федька-Редька, он, конечно, не знал, что он Редька, и никогда не узнает, ведь это было секретное прозвище.

В этом мальчишке не было ничего необычного, он не был хулиганом и не держал в страхе всю школу, его не встречал у школы лимузин, и волосы его не были зелёного цвета. Так что же в нём привлекало Варьку? Она не знала.

– Следующая остановка – «Улица Цюрюпы».

Девочка улыбнулась, эти слова всегда вызывали у неё улыбку. Десятки раз заданный ею вопрос «Почему написано на остановке „Улица Цюрюпы“, а все произносят Цюрюпы?» так и остался без вразумительного ответа. Это была настоящая загадка, а Варька любила всё непонятное и таинственное.

На минуту отвлёкшись, девочка потеряла контроль над оторвавшейся подошвой и чуть не скатилась со ступенек, покидая автобус. Высоко, как цапля, задирая правую ногу, она прошла несколько шагов – неудобно, предательский кусок резины норовил завернуться вниз, лишая ногу устойчивости. Недолго думая, Варька развязала шнурок, несколько раз обернула им вокруг ступни и завершила композицию бантиком. Теперь у неё появилась возможность достигнуть своего дома без травм.

Теперь у неё появилась возможность достигнуть своего дома без травм

Разбуженный стуком металлической двери, Боба стал с остервенением крутить свой барабан. Варька сбросила искалеченные ботинки и подбежала к клетке с хомяком.

– Бобсель, ты скучал?

Неизвестно, понял ли грызун вопрос, но, на мгновение замерев, словно сбившись с шага, он припустил снова с невиданным энтузиазмом, барабан крутился с бешеным ускорением, казалось, ещё немного – и звук перейдёт в ультразвук, а крутящаяся турбина исчезнет.

– Я тоже рада тебя видеть, с меня морковка.

Девочка бросила рюкзачок с учебниками на пол и направилась в кухню. И в это мгновение раздался звонок домашнего телефона.

– У меня всё нормально, мама, – сказала на ходу Варька, пнув по дороге изуродованный ботинок.

Как мать делает это? Высчитывала ли она количество уроков или звонила постоянно, было неизвестно, но каждый день, через несколько минут после открывания входной двери, раздавался звонок. За пять лет этот ритуал нарушался лишь однажды, в тот трагический день было непредвиденное обстоятельство – приступ аппендицита нарушил цепочку: школа – автобус – дверь – звонок.

– Да, я дома, мама. Нет, не помыла, ещё не успела. Хорошо, съем. А попкорн? Почему? Да, знаю. Не задали, ведь только неделю учимся, ещё нечего... математику обязательно. Другие подождут... Ладно-ладно, почитаю. Всё? Почисти клетку. Теперь всё? Чао.

Рассеянно ковыряя засохшую землю в цветочном горшке, Варька положила трубку, и её взгляд упал на залитый осенним солнцем двор. Две мамы с колясками и странный дядька из соседнего подъезда сидели на лавочках, больше никого. Гулять хотелось страшно, но шансов не было никаких, мать категорически запрещала выходить на улицу одной. Вдруг что-то

блеснуло на балконе, нет, не показалось, точно блеснуло. Солнечный свет снова и снова попал на какой-то посторонний колеблющийся предмет.

Варька выскочила на балкон и увидела висящую на внутренней стороне ограждения цепочку. Изогнувшись над перилами, она посмотрела вверх на соседский балкон – никого. Да и вряд ли там кто-нибудь мог быть среди рабочего дня, дядя Женя работал на автобазе с раннего утра до позднего вечера. Девочка взяла украшение в руки и стала разглядывать. Цепочка была толстой, металлической и подозрительно жёлтой. «Золото», – решила Варька. Колечко от замочка было сломано, так, видимо, вещь и потерялась. То, что хозяйина надо найти, не вызвало никаких сомнений, но как? Просто отдать соседу сверху – как наиболее вероятному хозяину – глупо, он дядечка пожилой, вряд ли носит подобные вещи, да и гостей у него не бывает.

Ещё на этаж выше проживала молодая парочка «очконавтов», которые всегда ходили взявшись за руки, как пара вишеночек, но их балкон был застеклён, и вряд ли кто-нибудь из них свешивался по пояс, чтобы проверить прочность цепочки. Маловероятно. Да и к тому же они были страшно занудными и наверняка перевернули бы весь подъезд вверх дном, чтобы найти свою вещь. Варька вспомнила, как эти маньяки методично обходили квартиру за квартирой в поисках своего журнала, который почтальонша по ошибке сунула куда-то не туда.

Больше над ними никто не жил. Но откуда тогда такой подарок? А если кто-то пролетал на вертолёте или на парашюте... бред. Варька задумчиво перебрасывала золотистую кучку из руки в руку, она была приятна на ощупь. Интересно. Закинуть на балкон третьего этажа эту цепочку можно, но зачем? Предмет в руке приобретал всё большую загадочность и таинственность.

Девочка решила, что обязательно отгадает эту загадку, ей это нравилось.

Сверкающие золотом звенья цепочки олицетворяли собой тот мир «излишеств», который совсем не был знаком Варьке. Многие девчонки из их класса уже давно носили всевозможные украшения, некоторые были увешаны ими как рождественские витрины, сверху донизу. Серёжки, колечки и наклейки в расчёт не идут, тут тонны других цапек болтаются, висят и сверкают. «Что за любовь к украшательству? – спрашивала себя Варька. – Наверное, это наследие далёких туземных предков, падких до всяких разноцветных пуговиц и блестящих бус?»

Её мама не была такой, как большинство женщин, она не носила ничего нефункционального, возможно, потому, что не могла позволить себе ничего лишнего, после того как её муж и Варькин отец отправился в свободное плаванье по житейскому морю. Гордость Елены Георгиевны не позволяла ей принимать финансовую помощь от «моряка дальнего плавания», их жизнь с дочерью была скромной, без излишеств. В первом классе, когда дети завязывают знакомства и кладут фундамент будущей дружбы на базе общих интересов и игр, Варьке тоже очень хотелось обмениваться яркими наклейками и хвастаться на перемене игрушечным зверьём, но было нечем. Сейчас уже смешно вспоминать о своих переживаниях, но тогда было обидно.

Варька сунула цепочку в карман и позвонила по телефону:

– Мам, на улице такая прекрасная погода, можно я пойду погуляю? Нет, у Нади сегодня бассейн, ну, мам, вечером будет темно, пожалуйста... А если я позвоню тёте Гале? Очень хочется. Обещаю.

Окрылённая девочка сделала себе трёхслойный бутерброд с сыром, колбасой и огурцом, положила в карман мобильный телефон и выскочила из дома.

Во дворе было тихо и сонно и даже листья с деревьев слетали не спеша, надолго задерживаясь в свободном парении. Две молоденькие мамы с колясками оживлённо беседовали на одной лавочке, и «дежурный» сосед читал газету на другой, вот и вся компания. Этот странный дядька почти всё время торчал на детской площадке.

Девочка присела на качели и стала медленно есть бутерброд. Вокруг стояла удивительная прозрачность воздуха, и солнечный свет беспрепятственно проникал во все клетки и атомы всего сущего, даже прикрытые веки не укрывали от него, они лишь приглушали его сияние. Если с закрытыми глазами откинуться назад и продолжать раскачиваться, то через несколько секунд перестаёшь ориентироваться в пространстве, плохо представляешь, где дом, где дорога, и где всё остальное, вокруг только океан света.

Две мамы с колясками засобирались по домам. Варька страдала, ей хотелось пойти куда-нибудь, потом побежать, и бежать едва касаясь земли, купаясь в солнечном свете, но она была послушной девочкой и не могла себе позволить такого безрассудства, как двигаться куда глаза глядят. Зуд всё нарастал, какая-то внутренняя вибрация мешала наслаждаться бездействием. Надо было срочно что-то сделать, встать, может быть, пробежать пару кругов вокруг дома, или залезть на дерево, или...

– Эй, малая!

Девочка скосила глаза, безымянный сосед поманил её со своей лавочки. Она легко спрыгнула с качелей и небрежной походкой подошла к мужчине. Варька никогда не видела соседа вблизи, это был мелкий тщедушный мужчина с усталым сорокалетним лицом и редкой шевелюрой на крупной голове. Кожа его была бледной и измятой, но глубоко посаженные глаза синего цвета были ясными и твёрдо смотрели из-под тёмных бровей.

– Как тебя зовут?

– Варя.

– А меня Александр Сергеевич, как Пушкина. Вот мы и познакомились. Скажи-ка, Варвара, – Варька нахмурилась, она не любила, когда её так называли, получалось холодно и официально, – могу ли я попросить об одолжении? Ты ведь не очень занята сейчас?

Девочка помотала головой, сначала утвердительно, затем отрицательно. И хотя мама и бабушка талдычили без перерыва о том, что нельзя разговаривать с незнакомыми мужчинами, она решила выслушать этого плохо знакомого человека. По инструкциям мамы надо было не обращать внимания ни на разговор, ни на саму личность мужского пола. Но девочка ежедневно видела соседа во дворе и знала, что он живёт в третьем подъезде, поэтому проигнорировала инструкции. Мужчина почувствовал колебания Варьки, поэтому добавил:

– Ты ведь дочка Берестовой с третьего этажа?

Внутренняя борьба затихла, и Варя вопросительно подняла брови.

– Поднимись, пожалуйста, к моей матери, её зовут Тамара Никифоровна. Мы живём на четвёртом этаже. Передай ей, что через полчаса я поднимусь обедать. Тебе не трудно? Ну и прекрасно. Квартира пятьдесят пять – Тамара Никифоровна. Спасибо.

Мужчина тут же потерял к ней интерес и уткнулся в газету.

2

Варька шла к соседнему подъезду и повторяла: «Тамара Никифоровна, Тамара Ни...», у неё была плохая память на имена, они просто вылетали у неё из головы. Чтобы этого не происходило, мама научила её запоминать ассоциации на имена. Марию Ивановну девочка про себя называла Магдалиной Дураковной и никогда не путала с Победой Крокодиловной.

Дверной звонок не успел дотретькать, как дверь распахнулась, на пороге стояла миниатюрная старушенция с копной седых вьющихся волос.

– Тамара Ни...

– Заходи.

Тон произнесённого слова не терпел возражений или неповиновения, девочка перешагнула через порог.

– Тамара Ни...

– Давай проходи, не стой как пень.

Варька была поражена подобным обращением со стороны незнакомого человека, но что-то заставило её безропотно последовать за странной хозяйкой квартиры на кухню.

– Садись.

Старушенция повернулась к девочке спиной и стала доставать из шкафчика какие-то кулёчки, при этом очень деловито гремя посудой.

– Тамара Ники...

– Тебе чёрный или зелёный?

– Что?

– Что?! Чай, конечно. Так чёрный или зелёный?

– Я не хочу. Мне надо...

– А разве я спрашивала, хочешь или нет? Я спросила: чёрный или зелёный?

– Тогда чёрный. Меня ваш сын...

Старушка резко обернулась, её волнистая шевелюра выполнила сей маневр с некоторым опозданием.

– Санечка? Что с ним?

Не дожидаясь ответа, бабуля метнулась к окну, увидев своё чадо на его обычном месте, она успокоилась и прошаркала обратно к столу.

– Ну?

Девочка от всего этого нестандартного обращения позабыла родной язык.

– Он... ваш сын... Александр... как его... Пушкин... сказал... то есть... просил передать... что скоро... через полчаса придёт обедать.

Старушка внимательно смотрела на Варьку, пока та блеяла, не сказав в ответ ни слова, взяла в руки допотопный мобильник, огромный, с зелёным экраном и гигантскими кнопками.

– В чём дело?

«Ни тебе „здрасьте“, ни „аллэ“, у бабули явно проблема с „крышей“, – подумала девочка, пока лохматая старушка слушала своего сотового «динозавра».

– Ага, – протянула она и зыркнула на Варьку, что заставило её занервничать.

Что-то во время телефонного разговора переключило старушенцию в режим «норма», и она, отключив трубку, молча положила в тарелку котлету и гору горячей, ещё дымящейся, жареной картошки. Затем она села напротив девочки и спокойно сказала:

– Рассказывай всё по порядку и ешь.

– Что рассказывать? И я не хочу...

– Рассказывать всё: как зовут, сколько лет, в каком классе, какие предметы любишь. И съесть тоже надо всё.

– Всё?! – на выпученные глаза девочки абсолютно никто не отреагировал.

Эта ситуация напомнила Варя ангину, которая случилась с ней полтора года назад. Температура скакала, как бешеный кролик, но это была ерунда по сравнению с болезненным ядовитым клубком, застрявшим в горле. Дышать было трудно, глотать невозможно. Добрейшая и заботливейшая мама лечила девочку по старинке, как будто не было на свете «Панадола», аспирина и лазерной хирургии. Она аккуратно наматывала клочок ваты на деревянную палочку, любовно сохранённую из заказа японской еды с Варькиного дня рождения, затем макала это мини-эскимо в тёмную тягучую жидкость под названием «Люголь». Где только она откопала эту гадость? Наверное, использовала стратегический запас средневековой инквизиции! При этой экзекуции больной было велено очень широко открывать рот, сдерживать рвотные позывы и вытирать слёзы, текущие по щекам. Вот такое варварское, во всех смыслах, лечение. Самое поразительное, что почти сразу наступало облегчение. «Надо так надо», – шептала девочка слова из рекламы, при этом глотая слёзы, и широко открывала рот.

Эти же слова произнесла Варя мысленно и нехотя начала свой рассказ. Бабуся кивнула на тарелку, мол, не забывай. Так, слово за слово, кусочек за кусочком, говорить становилось всё легче, слова и мысли так и полились с языка бесконечным потоком. И странным образом девочка рассказала совсем незнакомому человеку то, что не знала даже школьная подруга Надя, о том, что бабушка её подавляет, что она никогда не видела своего отца и что с мамой совершенно нельзя спорить.

– ...а мама говорит: «Девочка не должна разбираться в технике». А я ей: «Я хочу только разобрать, а не разбираться».

– Ты любишь животных?

Варя оторопело замолчала, словно лошадь, остановленная на полном скаку.

– Да.

– Одевайся.

– А-а...

– Одевайся.

Накинув куртку и надев ботинки, девочка вынула из кармана мобильный телефон. Прошёл час, а мать ни разу не позвонила, странно. Тамара Никифоровна быстро прошла в комнату, вышла через две секунды уже в кофте, посеменила в кухню, через секунду вернулась с сумкой. Все движения этой миниатюрной женщины были порывисты и стремительны, но очень точны, что необычно для её весьма почтенного возраста. Вдруг раздался громкий телефонный звонок такого же допотопного аппарата, старушка раздражённо фыркнула, ей явно не нравилось, что её задерживают, но трубку взяла.

– Нихао.

Девочке показалось, что она ослышалась.

– Ни ши во чан ши воачунг дзинь е?

«Что это? Японский?» Варька любила смотреть по телевизору путешествия по миру, и звуки, издаваемые ТамНиком, как про себя девочка нарекла свою новую знакомую, были похожи на язык жителей Страны восходящего солнца. Но она не была уверена.

Бабуленция закончила разговор и не моргнув глазом надела пальто и вышла из квартиры.

– Шевелись, – поторопила она девочку.

На ходу ТамНик кое-как нахлобучила шапку и быстрым шагом вышла из подъезда. Для того чтобы догнать её, Варьке пришлось пробежаться.

Старушка издали махнула рукой сыну и скрылась за углом дома. Мама запретила удаляться от дома, и Варя замешкалась. С другой стороны, она же всегда поощряла помощь старшим – так успокоила свою совесть девочка и побежала догонять «локомотив». Её гнало любопытство, она никогда не встречала таких странных и загадочных людей, как ТамНик. Саму

Варьку в школе тоже считали «странной». Интересно, что бы там сказали об этой реактивной бабуле?

К счастью, путь оказался недолгим, через пару минут ТамНик скользнула в дверь какого-то учреждения. Табличка гласила, что это научно-исследовательский институт каких-то материй. Внутри было темно, пыльно и безлюдно, только сонный охранник поздоровался с ними, не пошевелившись. Ни «Стой, кто идёт?», ни «Предъявите пропуск», чудно.

Коридор, лестница, два этажа, снова коридор, и вот они у невзрачной двери с табличкой «Лаборатория». И в этот самый момент, совсем как в кино, зазвонил телефон в Варькином кармане, и она остолбенела, потому что не знала, что сказать маме. Ещё немного, и звонки прекратятся, и будет ещё хуже – родительница решит, что её дочь попала в беду. Надо было что-то сказать, обязательно.

– Алло-о, – прогнусавила Варька, пытаясь судорожно придумать что-нибудь вразумительное.

– Ты дома?

Надо было отвечать.

– Не-а...

– А где? – в голосе матери зазвучали стальные нотки, приближалась буря.

Тут неожиданно ТамНик выхватила трубку из рук растерявшейся девочки.

– Лена? Это Тамара Никифоровна из соседнего подъезда. Помнишь Сашу Дудко? Я его мама. Да. Твоя дочь помогает мне по хозяйству... я попросила. Ненадолго, через час будет дома, я провожу её до квартиры. Обязательно, позвоним. Даю.

– Ты должна была спросить, прежде чем куда-либо ходить.

– Я знаю. Прости.

Ничего не ответив, мать отключилась. Вечером придётся отвечать по полной, но зато у неё есть ещё целый час, и Варька моментально переключилась на окружающую обстановку. ТамНик уже открыла дверь ключом и включила свет в небольшой комнате.

– На каком языке вы говорили по телефону?

Пока девочка произносила вопрос, её новая знакомая успела скинуть пальто, шапку и удивлённо посмотреть.

– Как на каком? На русском, ты разве не слышала?

Варька мотнула головой.

– Не сейчас, там, у вас дома.

– А-а, это китайский. Понравился?

– Да. Нет. Не очень. Просто я ничего подобного не слышала. Вернее, слышала японский... но на экране, а не живьём.

– А ты какой-нибудь язык знаешь, кроме родного?

Тем временем ТамНик накинула белый халат, который больше был похож на серый, подошла к занавеске, за которой раздавались какие-то звуки.

– Я учу английский.

3

Ночью Варьке снилось, что она бежит по белому лабиринту, петляет, попадает в тупики, возвращается назад – и так бесконечно. «Где выход? Где выход? Где выход?»

Мама спросила, протягивая бутерброд с сыром:

– О чём задумалась?

– Да так, сон вспомнила.

«Где выход? Где выход? Где выход?»

– М-м, я надеюсь, сегодня обойдётся без самодеятельности?

– Мам, я не делала ничего плохого...

– Один раз помогла, и хватит. Да? Я не слышу.

– Угу.

– В твоём голосе нет уверенности. В чём дело?

– Мне трудно отказать пожилому человеку, который просит о чём-нибудь. Ты сама говорила...

– Ну, говорила, но я имела в виду родных, в первую очередь – бабушку.

– Наша бабушка сама кому хочешь поможет, ты сама говорила.

– Говорила.

Елене Георгиевне было трудно объяснить, что именно ей не нравилось в общении дочери с посторонними людьми. Ей всегда было трудно отпускать Варю из-под своей опеки. Когда-то давно, когда дочка нуждалась в ней физически, это был святой союз, объединявший их в борьбе против всего мира. Это были самые счастливые годы, ребёнок воспринимал окружающий мир таким, каким видит и чувствует его мать. Шли годы, и связь слабела, ребёнку требовалось всё больше новых впечатлений, новых друзей, новых знаний. Мать тяжело переживала отдаление дочери, она чувствовала, что ещё немного, и она останется одна, и это её пугало. У самой

Елены Георгиевны не было близких подруг, только приятельницы, с которыми хорошо попить чайку и потрещать ни о чём.

– Лучше потратить время на литературу, тройку надо исправлять.

– Я обещаю, что исправлю.

Варька положила свои худенькие ручки на мамину ладонь и, когда та подняла на неё глаза, умоляюще произнесла:

– Мамуля, пожалуйста, не запрещай мне помогать соседям.

Елена Георгиевна вспыхнула сухим порохом.

– Да с чего ты взяла, что тебя снова позовут?

– Там Ник... Тамара Никифоровна просила меня приходиться помогать каждый день, в три. Мама, если бы ты видела, как белые лабораторные крысы бегут...

– Всё, я опаздываю. Бегом одеваться!

Девочка не шелохнулась, она не отпускала руки матери и выжидательно смотрела ей в лицо, что та скажет. Конечно, она может запретить, как когда-то запретила пить газированную воду, раз и навсегда.

– Ну, хорошо.

Весь день в школе Варька порхала как бабочка. Наконец-то у неё появилось хобби, своё интересное дело. Если бы кто-нибудь спросил её, в чём заключается её «хобби», вряд ли она смогла бы сформулировать. Как объяснить, что приятно чувствовать себя взрослой и нужной кому-то, помимо мамы и бабушки? Приятно, когда тебя воспринимают всерьёз, на равных, и, как следствие этого, надо уметь отвечать за свои ошибки. От всего этого хочется расправить плечи и гордо шагать вперёд, помогать убирать за животными, мыть лабораторную посуду и делать многое другое.

Эйфория – вещь опасная, она притупляет чувство опасности. Вот и Варька не сразу заметила тучу, нависшую у неё над макушкой. И только на перемене после третьего урока она почувствовала, что что-то не так, вокруг смеялись одноклассники.

– Она не понимает, она тупит.

Противный гундосый писк принадлежал Анжелике Саркисян – главной вообразале класса. У этой девочки уже была грудь, что поднимало её на недостижимую высоту, недоступную пока для других. То обстоятельство, что все на физкультуре видели лифчик под белой майкой, делало её привлекательной для всех мальчиков без исключения и отбрасывало всех остальных девочек на ступеньку ниже. В конце мая её груди ещё не было и в помине, а теперь она есть и все её видят. И вот эта трансформация, начавшаяся с физиологии, как-то повлияла на мозг этой, в общем-то, ещё совсем девчонки.

С самого начала года, когда Анжелика почувствовала повышенное внимание со стороны противоположного пола, характер её стал стремительно ухудшаться. В ней появилась какая-то заносчивость и пренебрежение к остальным девочкам. Её ближайшей подруге, с которой они были не разлей вода, пришлось принять «первенство груди», и она теперь исполняла партию подпевалы.

– Волосы иногда надо мыть.

– Это ты мне?

Все вокруг засмеялись. Варька не могла поверить, что её скромная персона оказалась в центре интереса всего класса. Она ведь была дружелюбна, не кривлялась и не хихикала, как дурочка, словом, никогда не делала ничего, чтобы привлечь к себе внимание. Роль серой мышки её вполне устраивала, до сих пор. И вдруг такое внимание, что случилось? Что было нужно этой Анжелике от её скромной персоны?

– Тебе надо иногда мыть и расчёсывать волосы.

Мишка Пузырев издал звук похожий на «гы-гы».

– С чего это *вдруг* тебя заинтересовали мои волосы?

Голос Варьки звучал уверенно и твёрдо, этого от неё никто не ожидал, в первую очередь Девочка-грудь. Анжелика жеманно закатила глаза и обратилась к публике, которая, чувствуя интригу, стягивалась к месту конфликта из разных концов класса.

– Совсем не вдруг, а из гигиенических соображений. Может, у тебя в твоих лохмах живность какая-нибудь живёт?

Мишка загоготал, за ним захихикали остальные. На Варьку накатила обида, захотелось ударить кого-нибудь. Что она прицепилась к ней на пустом месте?

– Тебя интересует моя живность? Хочешь взять на размножение?

– Нет уж, нет уж, спасибочки. Мы можем скинуться тебе на мыло. Ну что, Берестова, нужна материальная помощь?

Некоторые с удовольствием подхватили эту идею и загремели монетами в карманах, другие ждали продолжения дуэли. Варька оглядела собравшихся вокруг, большинство улыбались, некоторые делали вид, что не слушают, её соседка по парте и единственная подруга Надя что-то писала в тетради, явно не желая вмешиваться. Мишка ржал.

– Если охота быть благодетельницей, Саркисян, вступи в «Гринпис».

– А я и так сохраняю редких зверей от вымирания.

Анжелика перешла от слов к делу, сняла с Пузырева бейсболку и пошла по кругу.

– Подайте, кто сколько может, Берестовой на расчёску.

Игра так понравилась остальным, что все с удовольствием бросали монеты в кепку и никто не обращал внимания на Варьку, которая злилась, но не знала, что ей делать. А Анжелика упивалась своим успехом.

– О, спасибо, месье... и вам, мадам, вы так любезны... это для бедных сирот...

Варька готова была на всё, лишь бы эта дура заткнулась и оставила её в покое. Только на что «на всё»? Она не умела драться и не знала, куда девать свой гнев, рвущийся наружу. Тем временем сияющая Анжелика с изрядно потяжелевшей кепкой подошла к ней. Она встряхнула звякнувшие монеты и протянула бейсболку Варьке. Прозвенел звонок, но никто не двинулся с места, все смотрели на двух девочек. Анжелика победно улыбалась и потряхивала монетами, мол, возьми, не стесняйся. Этот звон тысячекратным эхом звучал в ушах у Варьки, она с силой ударила по кепке. Монеты взлетели до потолка и звенящим дождём рассыпались по всему классу. Никто не успел отреагировать, как в дверях показалась Инесса Леопольдовна – училка по литературе.

Монеты взлетели до потолка и звенящим дождём рассыпались по всему классу

– Это ещё что такое?

Все молчали.

– Я спрашиваю, что *это* такое?

– Это Берестова рассыпала.

– Варвара, это правда?

Она не знала, что сказать, только открывала рот, как рыба, которая оказалась на суше.

– Так, а почему никто не готов к уроку? А ну-ка все по местам!

Одноклассники с тихим шорохом разбрелись по местам. Учительница подошла к Варьке.

– Собери монеты, а потом садись.

Нет, только не это, лучше бы её выгнали или послали за матерью, только не ползать по классу, у всех на виду. Она чувствовала на себе насмешливые взгляды и слышала смешки, но не могла поднять глаза, в них стояли слёзы. От отчаянья и бессилия Варька впала в механическое состояние, она двигалась, наклонялась, выпрямлялась, словно во сне, мозг как будто отключился. Она не помнила, как закончились уроки в этот день.

4

Крыса выгнулась дугой и тянула девочку за палец, Варька ойкнула и бросила её на пол. Тамара Никифоровна быстро схватила ошалевшее от внезапной свободы животное.

– Ты придавила живот, они этого не любят. Что с тобой сегодня?

Не дождавшись ответа, старушенция быстро сунула крысу в клетку, сняла и скомкала халат, затем выжидательно посмотрела на девочку.

– Ну-у?

Варька искренне не понимала, чего от неё ждут, после нервогрёпки в школе ею овладели апатия и безразличие.

– Закрой глаза.

ТамНик с силой прижала большие пальцы рук к голове девочки.

– Теперь глубоко вдохни, как будто воздух проникает в твоё тело через макушку, а не через нос. Немного задержи дыхание и затем выдохни через мои пальцы, как будто хочешь их оттолкнуть.

Варька старательно представляла всё, что ей говорили. В тот момент, когда она постаралась выдохом оттолкнуть руки, ТамНик сама медленно убрала их, и тут голову наполнил яркий солнечный свет, он разогнал темноту обид и тревог.

– Не открывай глаза пока.

Вокруг раздавались шорохи, но они не нарушали приятного покоя, который наполнил всё Варькино тело, ей казалось, что она качается на волнах океана света.

– На, – ТамНик, уже одетая, протягивала куртку.

– А опыты? Не будем делать?

– Как говорят китайцы, когда волнуешься, то и конь спотыкается. Одевайся, с таким настроением ничего делать нельзя. Идём к нам пить пуэр и болтать.

– Пуэр?

– Чай. Поторопись.

ТамНик была ужасной торопыгой, словно она хотела всё успеть или не могла себе позволить попусту терять время. Именно поэтому она часто просто сбрасывала мешающие ей предметы на пол и никогда не тратила время на складывание вещей и бумаг. Эта немолодая женщина, которую двенадцатилетняя девочка про себя называла «бабулей» и «старушенцией», неслась по лестнице вверх, перескакивая через две ступеньки. «У неё внутри, наверное, моторчик», – подумала Варька, которая не могла признаться самой себе, что ей трудно угнаться за этой реактивной пенсионеркой.

– ...и я не знаю, как мне теперь ходить в школу. Я думаю, они не отстанут.

Во время всего рассказа ТамНик почти не двигалась, только её глаза задумчиво перемещались в глазницах. Варьке больше нечего было говорить, и она наконец-то решила отпить чёрной жидкости, которая была в её чашке. Чай, хоть и выглядел как кофе, имел странный непривычный вкус и запах.

– Я думаю, – наконец важно произнесла бабуленция, – тебе нужно поступать, как делают животные. Когда они боятся, они нападают.

В воздухе повисла пауза, Варька крепко задумалась: «Быть зверем хорошо: у тебя есть шерсть, которую можно поднять дыбом, у тебя есть зубы, которыми можно цапнуть, и есть когти, которыми можно царапнуть. А у меня что? Нет, конечно, можно порычать, чтобы попугать, но боюсь, это будет лишь поводом для насмешек».

«Поберегись, я иду-у»

– Да-а, – мечтательно произнесла Варюха, – было бы неплохо поднять высоко хобот и протрубить на всю округу: «Поберегись, я иду-у», а затем взрыть землю могучими копытами так, чтобы пыль поднялась столбом в красных лучах заката. Потом тяжело разбежаться, сотрясая землю огромной тушей, и на ходу, выставив вперёд острые рога, врезаться в толпу одноклассников... да-а, мечта. Но для воплощения её неплохо бы иметь хотя бы клюв.

– Это ерунда, важно выбрать правильную стратегию, а тактикой займёшься на досуге.

– Вы что имеете в виду? Нападение в прямом смысле слова – с дубиной?

– Ты думаешь, я уже из ума выжила?

– Я? Не-ет. Просто не совсем понимаю.

– Главное – направление, двигаться нужно прямо на врага, неотрывно глядя ему в глаза. А оружие выбери любое. Лично я предпочитаю холодную вежливость.

Словно общаясь с невидимым врагом, ТамНик полуприкрыла свои горящие глаза, сложила губы сморщенным бантиком и расправила плечи. Несмотря на то, что Варька плохо понимала свою наставницу по борьбе, в ней постепенно поднималось желание бороться. Она тоже расправила плечи и стиснула зубы.

5

Если бы кто-нибудь осмелился спросить, почему Анжелика выбрала такую странную жертву, ей трудно было бы объяснить свою неприязнь. Она сама задавала себе этот вопрос, но не находила достойного ответа, её чем-то раздражала эта лохматая девчонка. Она не была назойливой, нет, и болтливой, и молчаливой, и, конечно, не была тихоней. Варька не была ни слишком глупой, ни слишком умной, что обычно раздражает дураков и посредственностей. И в то же время она не была слишком активной или слишком пассивной. Так что, получается, в ней всего было в меру? То есть золотая середина?

Если бы этим вопросом задался взрослый человек, то он бы без труда обнаружил причину. Одну девочку раздражает в другой независимость от мнения большинства, от мнения авторитетов класса, школы, да и всего государства. У неё были свои ориентиры и ценности. В то время как все ученики класса делились на лидеров и приспособленцев, Варьку это совсем не касалось, до сих пор.

Как же так? Ты должен выражать идеи какой-то общественной группировки или социального пласта, таких как «Бабло побеждает зло» или «Не подмажешь, не поедешь», и, конечно, самая популярная женская общность – «Красота – это всё». Ты выбираешь смысл жизни и её вектор, находишь единомышленников, объединяешься в группы и вместе со всеми перемещаешься по жизни в своём русле.

Эти правила общественной жизни ещё не были понятны юным особам, они лишь интуитивно чувствовали свою непохожесть. Для себя Анжелика решила, что она «уродует эту вредину». Ей хотелось, чтобы все окружающие прислушивались к её словам, заглядывали ей в рот и предугадывали каждое её желание, или хотя бы боялись. В таком «идеальном» обществе не было места «кошкам, которые гуляют по себе», пусть будут где-то там, за морем, за горизонтом, а лучше – на Луне.

Анжела, как её звали дома, надела на своё коренастое тело новый лифчик с поролоновыми чашечками, который придавал её формам дополнительный объём, а пустоты заполнила ватой. Вид спереди, а особенно сбоку был сногшибательным. И сразу уверенность заполнила голову, в которой бродили мысли о завоевании вселенной. Получив в руки власть над одноклассниками, её нельзя терять, её нужно укреплять и расширять. Она ещё не решила, как именно будет гнобить Варьку, но уже была уверена в победе.

Что влияет на результат борьбы? Что хорошо, что плохо? Чрезмерная уверенность в собственных силах – это хорошо? Неизвестно. Однако точно известно, что недостаточная уверенность ведёт к поражению не только с противником, но и со стихией, а также с самим собой. Мама говорит, что, если хочешь победить, надо быть яркой. Наверное, она права. Анжелика высыпала мешочек с бижутерией на кровать, если нельзя нанести боевую раскраску – школа всё-таки, значит, надо использовать другие доступные средства.

Дашка, как обычно, ждала подругу во дворе школы, она была удивлена, увидев на Анжелике такое количество украшений.

– Приветик. Сегодня первая география.

– Я в курсе.

Прекрасно поняв намёк, Анжелика сделала вид, что её не волнует, что фанатичный завуч может отобрать все её побрякушки, но сама тайком в кармане освободила руку от связки звенящих браслетов. Они ей ещё пригодятся. В этот момент их обогнал запыхавшийся Мишка.

– Привет. Сегодня будет продолжение циркового представления?

Анжелика состроила гримасу непонимания.

– О чём ты, Миха?

Папан искренне удивился. Всё-таки мама была права: мужчины просты и легко управляемы.

– Я про вчерашний трюк с монетами. Может, повторим?

– Повторяться скучно. Хочу придумать что-нибудь поинтереснее.

– А чо?

– Чо-чо, пока не знаю.

– Думай быстрее, сегодня всего пять уроков.

Анжелике было приятно, что такая серьёзная миссия, как развлечение одноклассников, была поручена ей, но всё-таки для неё было важнее унижить непокорную девчонку.

– А сам не хочешь что-нибудь предложить?

От таких слов Мишка споткнулся у самой двери в здание школы и обернулся.

– Не-е, я не смогу, у меня в таких делах голова плохо варит.

– Ладно, тогда дай списать физику.

– Да пожалуйста.

Дорога через первый этаж вдоль раздевалок – серьёзное испытание для любого живого существа, не достигшего внушительных размеров. Снующие и вопящие малявки то и дело норовят броситься под ноги или в пылу погони сбить с ног. В этом хаотичном движении очень важно смотреть под ноги, но и это не гарантирует успешного прохождения препятствий, так как всё перемещается: дети, обувь, портфели, сбежавшие от хозяев яблоки и бутылки с соком – всё представляет реальную опасность. Анжелика должна была избавиться от кофты и едва сумела сохранить равновесие – на неё налетел галдящий первачок. «Красота требует жертв», – это тоже ей неоднократно говорила мама, срывая восковые полоски со своих ног.

Когда девочки поднялись по лестнице выше второго этажа, всё вокруг успокоилось, здесь уже можно было услышать друг друга. Они традиционно заглянули в туалет, чтобы посмотреть в зеркало перед появлением в классе. До звонка оставалось пару минут, когда Анжелика с Дашкой вошли в дверь, за которой толпились одноклассники, своими телами скрывая предмет их пристального внимания. Девочки направились к парте у окна, когда Мишка закричал им из самой кучи:

– Анжелика, ты должна это видеть, быстрее, пока Вера Семёновна не пришла.

Ребята расступились, образуя молчаливый коридор к столу учителя, на котором красовалась большая пластиковая бутылка с яркой надписью: «Сбор добровольных (подчёркнуто) пожертвований в пользу бездомных животных», далее красовались вырезанные из журналов фотографии щенков, а под ними подпись: «...ответственная Саркисян А».

– Ах ты... – Анжелика обвела глазами заинтересованные лица зрителей, кто-то сделал шаг назад, открыв её взору Варьку в наушниках, которая не спеша выкладывала книги и тетради из портфеля, рядом с ней испуганно пыталась слиться с партой Надя.

На минуту Анжелика замешкалась: то ли схватить бутылку, то ли броситься на врагиню, которая осмелилась на столь наглый выпад, – и эти душевные метания помешали ей услышать звонок. Школьники стали растекаться по классу и занимать свои места, зная, что завуч шутить не любит, но ослеплённой гневом Анжелике было не до этого. И зря. В тот момент, когда она всё-таки решила схватить бутылку, прозвучало металлическое:

– В чём дело?

Немногие учителя могли похвастаться, что их появление производит эффект холодного душа, обычно на них почти не обращали внимания, настолько был низок их авторитет. Вера Семёновна, некрупная кругленькая женщина с высокой причёской, очень мирной наружности, обладала непоколебимым авторитетом для всех школьных возрастов. Её голос обладал удивительным свойством – он был поразительно изменчив как по интонации, так и по громкости. Он мог еле слышно шелестеть, как листва, переливаться, как горный ручей, а через мгновение превращался в рассекающий воздух кнут.

– Что происходит? – отрезвляюще прозвучало над самым ухом.

Анжелика повернулась и увидела себя в глазах завуча: все находились на своих местах – и только она стояла у доски с дурацкой бутылкой в руках. Что тут скажешь?

6

«Один – один, – подумала Варька, загребая жёлтые листья починенными ботинками, – но она на этом не успокоится, это точно».

Голова девочки, отягощённая невесёлыми мыслями, болталась между худенькими плечами. Что делать дальше? Или ничего не делать, подождать выпада с её стороны? Как в такой ситуации обрести новых друзей и как себя вести с единственной подружкой, которая боится и предлагает сдаться на милость сильного?

На первый взгляд это казалось самым простым – отказаться от борьбы, от сопротивления и вести себя как все вокруг. Да, пожалуй, это заманчиво, обрести снова чувство безопасности и не ломать голову над методами защиты, можно будет снова смеяться громко, не опасаясь косых взглядов и ядовитых словечек. А что требуется взамен? Ничего особенного: поддакивать, помалкивать, когда тебя не спрашивают. Это удобно, но невозможно, к такому выводу пришла Варька в ходе своих размышлений. Она могла бы прикусить язык, когда никто не спрашивает, и промолчать, но что совершенно невозможно – это врать в интересах неприятных ей личностей.

Конечно, можно ради развития дружеских отношений сходить с одноклассниками в кино на дурацкий фильм или на каток, это было бы неплохо, но она не готова гробить своё здоровье только для того, чтобы доказать всем, что она тоже может курить, пить пиво и ругаться как сапожник. И не дай бог, её станут использовать на побегушках, как Фоканова или Забелину. Стоит ли безопасность таких постоянных унижений и уступок?

Незаметно для себя Варька добрела до своего двора, не поднимая глаз от дороги, а вокруг по-прежнему буйствовала осень с пронзительной синевой неба, ярким солнцем и глубокими живыми тенями. Но гулять не хотелось, как не хотелось ничего другого. Девочка повернула к подъезду, когда услышала неумелый шепелявый свист. Она обернулась и увидела А. С. Пушкина, сидящего на своём обычном месте. Он помахал рукой, и она нехотя поменяла направление. Соседа Варька видела каждый день, махала ему издали рукой, но не разговаривала.

Ужасно не хотелось ничего рассказывать, вообще не хотелось открывать рот, но ничего не поделаешь. Александр Сергеевич отложил газету и снял очки, а Варька странным образом не могла оторвать глаз от своих старых ботинок со следами свежего резинового клея, желтоватая полоска тянулась вдоль границы подошвы и верха. «Это ненадолго, – обречённо подумала она, – до первых дождей».

Сосед молчал, она тоже, похоже, никто не собирался прерывать эту паузу. Варьке это надоело первой, и она подняла глаза. Пушкин, сощурившись, смотрел куда-то вверх её головы. Это называется беседой?

– Погода – чудо, не правда ли?

– Да-а, – промямлила девочка.

– А ты знаешь, что вороны очень умные птицы? Я видел сюжет по телевизору, как одна из них съезжала по заснеженной крыше дома на металлической крышке от простой стеклянной банки, как на доске для сёрфинга. Представляешь? Она это делала снова и снова, хватала крышку, летела вверх и оттуда вжик вниз, как будто ей это нравилось. Загадочные существа.

Варька криво улыбнулась, вернее, собиралась улыбнуться, а получилась гримаса. Хорошо, что сосед не заметил, он продолжал смотреть ей за спину.

– Вот и сейчас, если ты медленно повернёшься, то увидишь нашу местную достопримечательность на балконе третьего этажа. Только не торопись, они всё видят и не любят, когда их рассматривают. Видишь?

– Угу.

– Я за этой вороной наблюдаю давно.

- А как вы её отличаете от остальных? Они ведь одинаковые...
- Отличаю я её по поведению, она странная. Вот и сейчас смотри, что она делает?
- Она слетела вниз и что-то подбирает с асфальта.
- Смотри внимательно.

Ворона взлетела на высоту четвёртого этажа и выронила из клюва какой-то небольшой предмет, который с сухим стуком ударился об асфальт, и сама стала спускаться. Тут девочка вскочила и бросилась наперерез, птица затормозила, раскинув крылья в стороны. Варька что-то подняла, повертела в руках и положила обратно. Ворона внимательно наблюдала издали, сидя на металлическом заборчике. Александр Сергеевич тоже наблюдал и довольно улыбался, как будто добился чего хотел.

- Это грецкий орех, она пытается его расколоть.
- Видишь, какая хитрюга.

Девочка задумчиво плюхнулась обратно на лавочку.

- Вы давно за ней наблюдаете?
- Я заметил её ещё в прошлом году, когда она пыталась отковырять кусочек разбитого автомобильного зеркала. Это была умора, какие акробатические этюды она вытворяла.
- А вещи она таскает?
- Постоянно, у неё во рту всё время что-то торчит. А однажды зимой я видел, как она с одного балкона пыталась стащить свёрток размером больше неё. В результате он свалился и она его распотрошила уже на снегу. А почему ты спрашиваешь? У вас что-то пропало с балкона?

- Нет, скорее, наоборот. Я кое-что нашла, и теперь понятно, откуда это взялось.

Они немного помолчали. Варька поймала себя на том, что уже не думает о завтрашнем дне.

- Александр Сергеевич, а у вас есть друзья?
- Сейчас нет.

- У меня тоже сейчас нет. А дружба величина постоянная или переменная?

Сосед уже в который раз серьёзно посмотрел на свою собеседницу, словно пытаясь удостовериться, что именно она говорит такие слова.

– Хороший вопрос. Но видишь ли, мы живём в постоянно меняющемся мире, сегодня одно, завтра совсем другое. Меняется мир вокруг нас, меняемся мы сами. Я, например, в детстве терпеть не мог кефир, а сейчас, сто лет спустя, это мой любимый напиток. Но отсутствие друзей – это однозначно плохо. Когда я был в твоём возрасте, у меня были толпы друзей... сейчас моё понятие о дружбе слегка изменилось. Да и не стало рядом людей, с которыми можно поделиться секретами или просто поесть мороженого. А жаль...

– Мама мне тоже рассказывала, как они всем двором играли в какие-то игры, и их было много...

– Это точно. Дети не сидели дома или во дворах. Мы носились по всем окрестностям. И ты знаешь, эти игры учили нас дружить, быть смелыми, даже в чём-то отчаянными, таких всегда уважали и ценили, они были заводилами и вожаками. А вот с предателями и жухалами вся детвора избегала играть, их сторонились...

- А кто такие жухалы?

Александр Сергеевич грустно улыбнулся.

– Да, такого слова больше нет. «Жухать» – это значит жульничать, нарушать правила игры. Любой, пойманный на этом, гонимый криками: «Жухала! Жухала!» – уже с неохотой принимался в любую другую игру. А если принимался жухала в игру, то на противные роли. Например, на роли фашистов в войнушке. Ведь все без исключения хотели быть героями, партизанами... а вы теперь во что играете?

– Ну-у, я иногда играю в... футбол, – Варька продемонстрировала свой заклеенный ботинок, собеседник одобрительно кивнул, – ещё, пожалуй...

Варька не договорила и застыла от пришедшей в её голову мысли.

– Ой, простите, мне нужно бежать, мама, наверное, давно звонит, а меня нет дома, она очень... очень...

В этот миг где-то в недрах портфеля зазвонил мобильный телефон, девочка расстроено полезла за ним.

– Аллё, уже у подъезда. Потом расскажу. Бегу. Извините, она сейчас будет перезванивать.

– Ты к нам зайдёшь? К маме?

– Не могу обещать.

Сосед понимающе покачал головой, и Варька уже на ходу добавила:

– Попытаюсь, хотя вряд ли.

7

Шум пылесоса обычно очень хорошо маскировал внешние раздражители и разгонял назойливые мысли в голове, но не в этот раз. Варька совсем не могла заниматься привычными делами, не могла делать уроки, мысли всё время вертелись вокруг конфликта с Саркисян. Она пыталась придумывать, что скажет или что сделает, но понимала, что это только подольёт масла в огонь. Завтрашний день её пугал, хотелось его перепрыгнуть, вычеркнуть из календаря. Может, заболеть на недельку-другую, все отвлекутся и всё забудется? На крайний случай можно перевестись в другую школу, но как это объяснить маме, может, рассказать ей? Варька представила её реакцию и сморщила нос, пожалуй, не стоит. Скорее всего, родительница решит, что дочь спровоцировала эту травлю сама, вела себя нагло и хамила. А потом скажет, что это результат чрезмерной свободы и надо закручивать гайки, ещё, чего доброго, отправит дочь к бабушке, тогда ей точно кранты. Обязательная зарядка по утрам, чай из ромашки, мытые с мылом огурцы – лишь небольшое из того, что угрожало жизни нормального подростка. А потом, бабуля ни на секунду не оставит внучку без внимания – и это самое страшное.

Нет, говорить никому нельзя, так хоть есть шанс проскочить, а иначе точно крышка. Ладно, надо что-нибудь придумать, но в пустую, словно набитую ватой, голову ничего не приходит, ничего, пустота. Ау-у, есть кто-нибудь?

Елена Георгиевна несколько минут наблюдала, как её дочь водит щёткой пылесоса на одном месте, шлёпает губами и гримасничает.

Когда неожиданно замолчал пылесос, Варька подпрыгнула на полметра, от её испуга мать тоже дёрнулась, как паралитик.

– Что случилось?

– Ничего не случилось, ты меня напугала. Я не слышала, как ты пришла.

– А ты на часы смотрела?

– Неа, я убиралась.

– Странное рвение. Ты двойку получила? – Варька мотнула головой. – Тогда что произошло?

Было понятно, что мать не отстанет и будет пытаться с пристрастием, нужен был отвлекающий манёвр.

– Мам, а ты Александра Сергеевича Дудко знаешь?

– Мы живём в соседних подъездах, конечно, я его знаю.

– И вы играли вместе?

– Не помню, вряд ли. Мы учились в одной школе, но он старше меня лет на пять, так что общих друзей у нас не было. А почему ты спрашиваешь?

– Он какой-то странный, всё время сидит во дворе, не ходит на работу, ничего не делает, только смотрит по сторонам и читает газеты.

Мать как-то смутилась, немного подумала и ответила:

– Так ты ничего не знаешь?

– А что я не знаю?

Варьку захлестнуло любопытство и даже смыло тревожные мысли о завтрашнем дне.

– Вот удивительно, как ты бываешь невнимательна. Вроде ходишь «помогать» его матери и даже не замечаешь, что общаешься с инвалидом.

– Как?!

– Да так, Александр инвалид, у него не работают ноги. В детстве он, конечно, был нормальным, даже немного задиристым. Как он учился, я не знаю, разница в возрасте была слишком велика. Тогда в детстве пять лет как пятьдесят сейчас, почти пропасть.

Вдруг Елена Георгиевна встрепенулась, словно вспомнила о чём-то.

– Я купила блинчики с мясом и с творогом, давай разогреем и поедем?

– Давай, только, пожалуйста, мамочка, расскажи, что дальше случилось с Пушкиным?

– Кстати, ты его очень точно окрестила. Окончив школу, он поступил в университет на журналистику и писал стихи, говорят. Я сама не читала. Потом женился, и его послали куда-то работать, точно не знаю куда, то ли в другую республику, то ли в другую страну. Женился. Мать тогда им очень гордилась, да и отец его ещё был жив, они оба с удовольствием делились новостями с соседками, сидящими у подъезда, поэтому знал весь двор. И вот однажды, это было... я уже училась в институте, случилась эта трагедия. Они с женой и нерождённым ребёнком, она тогда была беременна, попали в автомобильную аварию. Жена погибла сразу, и ребёнок тоже, а Александр выжил, но долго лежал в коме. Когда пришёл в себя, родители его забрали и привезли домой.

Елена Георгиевна задумалась, продолжать ли ей рассказ. Варька была в шоке от услышанного, на задний план отступили её школьные проблемы и стали казаться мелкими, по сравнению с драматичной судьбой соседа.

– Не молчи, мамуля, что было дальше?

– А что дальше? Несколько лет он лежал в постели, и ничего о нём не было слышно. Только все видели, как съёжились и постарели его родители, их было очень жалко. Потом умер отец, и бедная Тамара Никифоровна совсем сохлась. Ну, вот и всё, что я знаю.

Варька задумчиво потрошила блинчик с творогом.

– А как же ему удалось встать?

– Ноги у него так и не работают, но он передвигается на костылях. Если внимательно помотришь, обязательно заметишь их поблизости. Ешь давай, хватит ковыряться.

8

Варька сидела за партой ни жива ни мертва, когда наконец прозвенел звонок. Она выдохнула так, как будто не дышала с момента прихода в школу. Пока ничего не произошло, но кто знает, это перемирие или лишь затишье перед бурей?

Надя сегодня окончательно покинула подругу и пересела назад к Забелиной. Это никого не удивило, так как предательство случилось гораздо раньше, в тот момент, когда она пожалела, что дружит с Варькой. На данный момент она совершенно не сомневалась в правильности своего поступка.

Конечно, жизнь всё расставит по своим местам, и вот чего пока не знала Надежда, так это того, что никто и никогда не любит предателей, их презирают все. И даже среди совершенно незнакомых людей этот поступок всегда будет с ней. Такие, казалось бы, несущественные действия на самом деле являются пороодообразующими, формирующими будущую личность. Небольшая червоточинка уже появилась на поверхности совести, она, как кариес, потихоньку, исподтишка будет распространяться и захватывать всё новые территории до тех пор, пока что-то порядочное ещё осталось. Даже потом, по прошествии многих лет, когда уже взрослая Надежда будет растить своих детей и когда она окончательно выкинет из головы это происшествие, ей будет неприятно отвечать на вопрос: «Кто эта девочка на фотографиях рядом с тобой?»

А пока ничего не подозревающая о своей судьбе девочка твёрдо смотрела на поверхность стола, будто пытаясь разглядеть его молекулярную структуру. Тем временем урок начался, Инесса Леопольдовна выразила удивление по поводу пересадки Нади на другое место, но тему развивать не стала. Вдруг в дверь постучали и в проёме показалась Людмила Ивановна – школьная медсестра, а вернее сказать, лишь центральная часть её фигуры, которая поместилась в пространстве прохода. Учительница вопросительно посмотрела на неё, и медсестра, слегка повернув корпус, втиснулась в класс.

– Инесса... Леопольдовна, можно мне забрать Берестову?

Варьку пронзил электрический ток.

– Что-то случилось?

– Пока нет, – многозначительно произнесла Людмила Ивановна. Взрослые в школе при детях всегда изъяснялись каким-то странным, зашифрованным языком, многозначительные взгляды и ужимки прилагались к недоговорённому тексту.

Вот и сейчас всем казалось, что учительница ничего не поняла, но сделала вид, что поняла.

– Она вернётся?

Медсестра пожала плечами.

– Пусть возьмёт вещи на всякий случай...

По классу пополз шёпот. Девочка быстро собралась, и, когда двинулась по проходу, она поняла, чьих это рук дело. Саркисян гаденько улыбалась.

Медсестра медленно переваливалась в направлении своего кабинета, а Варька уныло плелась в её фарватере, пытаясь понять, что замыслила коварная Девочка-грудь. Ноги девочки налились свинцом, будто коридор школы приведёт её на эшафот, со стороны эта парочка выглядела как миниатюрная похоронная процессия. Казалось, они целую вечность так бредут, под аккомпанемент пыхтения и шарканья ног, и даже Варька уже хотела, чтобы они пришли и всё прояснилось.

В кабинете медсестра первым делом надела резиновые перчатки, постелила целлюлозную простынку на кушетку и велела девочке сесть. Потом открыла шкафчик с лекарствами и, заслонив собою не только дверцу, но и весь шкафчик, стала чем-то греметь.

Варька рассматривала медицинские плакаты, висевшие на стенах кабинета. Чего там только не было: человечки в зелёном наглядно показывали, как накладывать шины, как делать искусственное дыхание, как бинтовать. В принципе, следуя этим инструкциям, даже инопланетянин может быть медицинским работником. Интересно, чему их учат целых шесть лет или, может быть, Людмила Ивановна самоучка? Были тут и красочные плакаты внутренностей человека, гноящихся болячек и звучных девизов: «Клизма – источник здоровья», «Не пейте сырую воду...» «Козлёночком станете», – добавила про себя Варя. «Грязные руки – источник заразы». В общем, захватывающе интересная информация.

Наконец, медсестра закончила копаться в шкафу, она обернулась, направила на Варьку свет настольной лампы и с большой лупой в руках стала рассматривать её волосы.

– Людмила Ивановна, что вы ищете?

– Паразитов, деточка. Твои одноклассники видели, как что-то ползает у тебя в голове. Я должна убедиться...

– А-а, понятно, ищите.

Медсестра с недоуменным пыхтением минут десять изучала голову, затем поставила её, наклонившись над простышкой, и пыталась металлической расчёской вычесать невидимых паразитов. Варька с интересом изучала методы искусственного дыхания на плакате, висящим перед её носом. Людмила Ивановна заметно утомилась от непривычных физических упражнений и в конце концов сдалась, она, как мешок с картошкой, плюхнулась на кушетку. Волосы у девочки наэлектризовались и стали дыбом, она стала похожа на тёмный одуванчик.

– Ничего не вижу.

Варька с пониманием посмотрела на пожилую женщину.

– Что будем делать? Половина урока уже прошла, мне возвращаться?

– Да, наверное, иди. Я потом объясню всё учителю.

– Хорошо, я пойду.

Девочка с облегчением и наигранным весельем двинулась к двери.

– Кстати, я вот такое видела... – она ткнула пальцем в страшного вида язву на плакате, – в раздевалке перед физкультурой.

Медсестра аж поперхнулась от страшной мысли, пронзившей её.

– Стоять! – зарычала она.

9

Смешанные чувства владели Сергеем, когда он подходил к этой двери. Уже несколько раз он предпринимал попытки преодолеть этот барьер, но пока безуспешно. Каждый раз он придумывал фразу, с которой начнёт разговор, и ещё ни разу не произнёс ни слова.

Вот уже три с половиной месяца Сергей Леонидович Огуреев работал в этом пыльном, богом забытом месте, и занесло его сюда не от хорошей жизни. Примерно год назад его сытая, благоустроенная жизнь столкнулась с коварством и рассыпалась вдребезги. Сначала его уволили с должности технического директора небольшой типографии. Через три месяца жена попросила его уйти, за семь лет совместной жизни им так и не удалось ни создать нормальной семьи, ни родить детей. Супруга утверждала, что у неё «ещё есть шанс».

Совсем потеряв почву под ногами, Сергей попытался жить с родителями, но быстро понял, что лучше бомжевать, и устроился работать в ДЭЗ, чтобы снимать комнату. Поначалу, воспринимая эту работу как необходимость, он страшно тяготился таким «мезальянсом», но постепенно, освоив новый для себя технологический процесс, он увлёкся, как человек, привыкший добросовестно выполнять свои обязанности. Да и люди, которые с первого взгляда показались ему скучными мешанами, оказались не так примитивны, а некоторые даже вызвали интерес.

«Ну же, будь мужиком, толкни эту чёртову дверь. Никто тебя не укусит».

И он толкнул, открыв взору небольшое пространство с тремя рабочими столами и большим шкафом, стоящим почему-то посреди кабинета. Сергей облегчённо выдохнул:

– Никого нет.

– У нас обед, – донеслось из-за шкафа.

Будто вор, застигнутый на месте преступления, молодой мужчина чуть было не бросился бежать, но, взяв себя в руки, заглянул за угол шкафа. Ничего не подозревающая Елена Георгиевна, глядя в книгу, как раз откусывала от бутерброда изрядный кусок. Сергей, понимая, как неудобно получилось, только подумал тихонько скрыться, чтобы не смущать коллегу, но в этот момент она подняла голову. Елена Георгиевна покраснела и попыталась дожевать в ускоренном темпе кусок, находящийся во рту.

– Извините, я не хотел помешать, просто...

– У нас обед, – еле внятно прошамкала Елена Георгиевна, ещё больше покраснев от своей неловкости.

– ...я бы, конечно, зашёл позже, но... потом будет поздно... – Сергей совсем растерялся, все его ранее заготовленные фразы совсем не подходили к неловкой ситуации, – то есть, надо, наверное, было раньше зайти, но...

– Если вы к Олесе Викторовне, она уехала в управу, – наконец выговорила Елена Георгиевна.

– Я... нет. Я хотел пойти пообедать...

– Ну и?

Степень наэлектризованности атмосферы в кабинете резко повысилась, Сергей схватил с ближайшего стола степлер и очень им заинтересовался.

– А вы не хотите пообедать? – наконец он выдавил из себя.

Елена Георгиевна жестом показала на отложенный бутерброд, мол, я уже обедаю.

– Тут совсем недалеко, у поликлиники, есть небольшая булочная-пекарня... хотя вы наверняка её знаете, там очень неплохо делают хачапури...

Постепенно до Елены Георгиевны стало доходить, что это приглашение, и она смутилась пуще прежнего. Она не знала, что сказать, согласиться или отказать, она просто смотрела

на этого человека, как будто видела его в первый раз, хотя они сталкивались в коридоре каждый день, но она почти ничего о нём не знала, кроме имени-отчества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.